

Пример контаминации двух фрагментов, не имеющих в подлиннике тематической общности, представляет письмо № 13, в котором Кривой бес делится впечатлением о красивой молодой женщине, привлекшей его внимание в театре: «... я слышал от сидящего за нею юноши, с другом своим разговаривающего, что она всех в свете презирает и думает, что в подсолнечной ее красивее нет. Некогда, сказывал юноша, выступил у нее на лице прыщ. Когда посмотрелась в зеркало и прыщ на лице своем увидела, то, схватя зеркало, бросила об землю и в куски разбила, браня оное и выговаривая, как оно могло иметь дерзновение представить ей в глаза прыщ, нимало ее лицу не приличный. Она презирает всех тех лучших и знатнейших в городе юношей, а любит своего соседа...» (VII, 52). С обычными для Эмина приемами переделки, когда от подлинника остаются в русском тексте лишь отдельные детали и полностью отсутствует эквивалентный оригиналу перевод, эти строки соответствуют портрету красавицы Аминты во 2-м памфлете (D 74—75). Далее мысль русского писателя принимает иное течение, нежели в образце, на который он опирался. Французская зарисовка кончается язвительным контрастом: «Адонисом этой Венеры» оказывается «низкорослый горбун, самый грязный и уродливый из всех, каких когда-либо видел свет» (D 75). Эмин, считая портрет незавершенным, опускает эту деталь и присоединяет к нему — также с сильною переделкою, выразившеюся в резком сокращении, — характеристику синего чулка, которую он ранее по ходу последовательности опустил (D 52—53): «... любит своего соседа, который всегда говорит с нею о науках; ибо она за весьма ученую женщину сама себя почитает, записывает острые словца и сама оные выдумывает так, что хочет из оных сделать лексикон приятных и островыдуманных изречений. Она беспрестанно говорит о математике и астрономии; держит почти всегда в руках Ефемериды и смеется думающим, что земля около солнца вертится, утверждая, что сходнее бегать солнцу, нежели земле» (VII, 52—53). Предложение, связующее две характеристики («любит своего соседа, который всегда говорит с нею о науках»), настолько удачно их соединяет, что читатель русского текста не подозревает о составной природе очерка и наличии в нем двух разнородных элементов. Напротив, в обеих частях фигурирует общая черта — высокомерное отношение к окружающим, вырастающее в первой из гордости своею красотою, а во второй — из высокого мнения о своей учености. Именно эта черта и создает эффект художественного единства, затушевывая некоторую внутреннюю несогласованность.

Впрочем, не всегда контаминируемые фрагменты «подгонялись» один к другому столь идеально, как в разобранным случае. Однако некоторое нарушение логики Эмина не останавливало, и к тому же оно вряд ли улавливалось рядовым читателем.

Контаминация с «подгонкою» осуществлялась Эминым и на уровне группы писем, то есть распространялась на композицию